

МАКС СКИТТЛ

НЕНАСТОЯЩЕЕ ИМЯ ТЕРАПЕВТА

ДЕТЕКТИВ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

У КАЖДОЙ БОЛЕЗНИ
ЕСТЬ ПРИЧИНА, НО НЕ КАЖДОМУ
ПОД СИЛУ ЕЕ НАЙТИ

От издателей «НЕ НАВРЕДИ» Генри Марша. Самая популярная серия non-fiction книг,
суммарный тираж более 800 000 экземпляров!

МЕДИЦИНА
БЕЗ
ГРАНИЦ

Макс Скиттл
Детектив в белом халате.
У каждой болезни есть
причина, но не каждому
под силу ее найти
Серия «Медицина без границ.
Книги о тех, кто спасает жизни»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64802581

Детектив в белом халате. У каждой болезни есть причина, но не каждому под силу ее найти / Макс Скиттл ; [перевод с английского О.

А. Ляшенко]: Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-112451-9

Аннотация

«Ответственность за здоровье другого человека – это одновременно привилегия и проклятье», – замечает автор, принимающий и консультирующий по 50 человек ежедневно. Терапевт, как детектив, выясняет, что произошло (в чем проблема), затем отправляется на поиски доказательств и улик (собирает анамнез и проводит обследование), концентрируется на числе потенциальных преступников (определяет возможную

причину симптомов), создает список подозреваемых (проводит дифференциальный диагноз).

Эта книга приоткрывает дверь в кабинет доктора во время приема пациентов, а также когда он остается наедине со своими мыслями. Вы удивитесь, но будни терапевта не назовешь рутинной, ведь это целый калейдоскоп человеческих историй – забавных, страшных, нелепых, печальных, трогательных, странных.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	6
Введение	9
Июнь 2018 года	24
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Макс Скиттл
Детектив в белом халате.
У каждой болезни
есть причина, но не
каждому под силу ее найти

*Посвящается моей семье и очереди у кабинета.
Простите, но мы опять не успеваем...*

Anonymous (Max Skittle) The Secret GP: What Really Goes
On Inside Your Doctor's Surgery

Text copyright © Dr Max Skittle, 2020 Originally published
in the English language in the UK by Blink Publishing, an imprint
of Bonnier Books UK Limited

В оформлении обложки использованы фотографии:
OPOLJA, Gruffi, samui / Shutterstock.com Используется по
лицензии от Shutterstock.com

© Ляшенко О.А., перевод на русский язык, 2020

© Давлетбаева В.В., художественное оформление, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Кто такой терапевт?

Терапевт – это медицинский специалист, который занимается лечением и профилактикой острых и хронических заболеваний, а также просвещает пациентов на тему здоровья.

«Википедия» дает суховатое определение, но все действительно так! Давайте добавим немного перчинки, хорошо? Итак, что я думаю...

Быть терапевтом – значит делить жизнь на 10-минутные отрезки. По 600 секунд¹. Вы должны быть готовы заниматься физическим, психическим, социальным и духовным здоровьем человека, сидящего перед вами во всей его славной, запутанной и ужасающей целостности. От колыбели до могилы, и у вас нет права на ошибку. Вы смотрите в окна жизни этого человека и пытаетесь сделать ее лучше, здоровее, счастливее и длиннее. Работая с людьми, вы должны быть детективом, посредником, врачом и консультантом одновременно. Вы разгадываете, почему человек чувствует себя определенным образом. Удивительно, но самым сложным в моей жизни как терапевта является то, что не имеет непосредственного отношения к медицине. Это гнев, печаль, разочарование, любовь, радость, трагедия, страх, со-

---

¹ Подразумевается норма времени на прием пациента – 10 минут.

страдание, ненависть и потери. Вы отправляетесь в путешествие со своим пациентом по его жизни за 10 минут. Тик-так, тик-так... Как ни странно, пациент иногда даже не осознает, что с ним рядом молчаливый попутчик. Он прячется в телефонном звонке узкому специалисту. В прочитанном и подшитом письме от другого врача. В интерпретации результатов патологоанатомической экспертизы. Все это имена без лиц. А в конце каждого рабочего дня вы идете домой, унося с собой эмоции и тревоги других людей, и пытаетесь жить собственной жизнью, но при этом не чувствовать груза на своих плечах.

Нет ничего удивительного в том, что разделение работы и личной жизни является обязательным требованием. В реальности, однако, оно невыполнимо. Вы обладаете привилегией видеть темные и светлые стороны жизни, а также бесконечные оттенки между ними. В этих промежуточных оттенках и происходит сама жизнь. Именно там рассказываются самые интересные истории. А вам, как хамелеону, приходится постоянно подстраиваться под человека перед вами. Вы стараетесь удовлетворить его потребности и его ожидания, а когда он уходит, вам предстоит смириться с тем, что вся ответственность теперь лежит на вас. Именно вы управляете риском: ставите диагноз, принимаете решение, назначаете лечение. А если вы сделаете что-то не так, то страдать будет пациент. Не вы. Кроме того, на вас, вероятно, подадут в суд. Но, несмотря на постоянные тревоги и стресс, я помо-

гаю людям и моя жизнь терапевта чертовски великолепна! Вот почему я решил стать врачом. Я не могу даже представить себе другую профессию. В этой книге я объясню почему. Вот моя история.

Введение

Понедельник, 4 июня 2018 года

Меня зовут Макс Скиттл, мне 32 года, и я – терапевт. Сегодня июнь 2018 года, понедельник, 07:45, и это идеальное время, чтобы начать рассказывать мою историю. Прямо сейчас я сижу за письменным столом в городской клинике, где работаю уже три года с момента окончания Медицинской школы. Вы знакомитесь со мной на относительно раннем и волнующем этапе моей карьеры. Однако в данный момент мне остается лишь таращиться на свою испачканную промежность, не веря такому «везению».

На брюках белой коркой засохло то, что недавно было ложкой жирного греческого йогурта. За пять минут до начала приема я ошибочно решаю замыть пятно водой. У меня четыре минуты до начала приема... Теперь я выгляжу так, будто на брюках было нечто неприличное, что я попытался застирать, скрывая улики. Или все выглядит так, будто я просто обмочился. А часики тикают. Я пытаюсь настроиться на лучшее. Сегодня будет хороший день. Он должен быть хорошим, я его заслужил. Эта мысль казалась мне рациональной, пока мои глаза не пробежали по списку пациентов. Среди новых для меня имен было несколько хорошо знакомых. С кем-то я жду встречи с нетерпением. С другими... НЕТ.

Я смотрю в пустоту. Три минуты до начала приема... Мои

брюки все еще мокрые. К своему большому сожалению, я замечаю, что горшечное растение, которое моя жена Элис дала мне для кабинета, завяло. Не самое позитивное послание для моих пациентов: ваш врач не может позаботиться о растении, но вам он непременно поможет. Откинувшись на своем сломанном стуле с тремя с половиной колесами, я совершаю косой оборот, делаю три глубоких вдоха и снова сажусь прямо. Выравниваю клавиатуру и кладу ручку параллельно ей. Одна минута до начала приема... Я навожу курсор мыши на значок колокольчика, готовясь пригласить своего первого пациента.

Каждый день я надеюсь, чтобы на работе все было хорошо!

Брюки все еще мокрые, но я улыбаюсь. Мое сердце начинает биться немного быстрее, но мне это нравится. Я люблю свою работу и, несмотря на ежедневное нытье, ни за что не променял бы ее на другую. Именно поэтому и решил написать эту книгу.

Думайте об этом как о сердитом и растерянном продолжении моей любви.

Итак, добро пожаловать. Это книга о моей жизни. Точнее говоря, я заброшу клиническую сеть, чтобы выловить самые грязные, удивительные, унижительные и смешные истории, которые будут звучать в моем кабинете на протяжении следующего года. Все пациенты и истории о моих встречах с ними будут подлинными. Я бы удивился, если бы потребова-

лись какие-то голливудские эффекты, чтобы сделать их интереснее. Богатая текстура жизни – наших жизней – убеждает меня в том, что в этом не будет необходимости. Разумеется, все имена, даты, возраст, этническая принадлежность и даже пол пациентов будут изменены. Таким образом, вы сможете хихикать, плакать, открывать рот от удивления или хмуриться только во время чтения книги, а не личной встречи с этими людьми. Последнее, как мы все понимаем, было бы более жестоко, чем просто грубость. О, и если вы думаете, что я написал о вас, то вы ошибаетесь. Если факты как-то соотносятся с вашей жизнью, это просто совпадение. Поверьте мне. Все характерные черты были либо изменены, либо устранены, поскольку, несмотря на написание этой книги, я никогда не шучу с конфиденциальностью пациентов. Кроме того, я не хочу, чтобы меня уволили или исключили из Королевского колледжа терапевтов. Жена, несомненно, убила бы меня за это (подозреваю, очень медленно). Особенно если учесть, что у нас скоро родится ребенок.

* * *

Первое, что вам нужно знать обо мне как о терапевте, это то, что я тоже человек. Говоря это, я не имею в виду что-то связанное с нью-эйдж², любовью к марихуане, одеждой из

---

² Общее название совокупности различных мистических течений и движений, в основном оккультного, эзотерического и синкретического характера.

мешковины и сентиментальностью. Я просто хочу сказать, что я не гигантская губка, которая, сидя в клинике день за днем, впитывает откровения своих пациентов. На самом деле я, как и вы, испытываю нелюбовь, неодобрение и гнев. Я тоже смеюсь, плачу, улыбаюсь и люблю. Поскольку я такой же человек, мне как терапевту иногда бывает трудно (даже невозможно) оставаться хорошим. Быть врачом сложно. Работать в Национальной службе здравоохранения вообще трудно. Усталость и чрезмерная нагрузка пробуждают худшее в каждом человеке. По этой причине я хочу заранее вас предупредить – ЭТА РАБОТА, НЕСОМНЕННО, ИЗМЕНИЛА МЕНЯ КАК ЧЕЛОВЕКА. Она сделала мой черный юмор еще чернее. И сине-черным временами. Мой умеренно грубый юмор стал откровенно грубым. Подозреваю, это связано с тем, что защитные механизмы уравнивают сопутствующий ущерб, пока я уже три года изо всех сил стараюсь помочь сидящему передо мной человеку и при этом не лишиться рассудка. Честное слово, я пытаюсь достичь и того и другого.

Короче говоря, я заранее извиняюсь (и прости меня, мама, за ругательства), ведь я понимаю, что я не всем понравлюсь и иногда буду говорить обидные вещи, но именно так я справляюсь. У каждого свой способ, верно? Независимо от ментальных доспехов, я все равно просыпаюсь каждое утро, зная, что передо мной опять стоит сложная задача держать свои эмоции под контролем. Фасад профессионализма вовсе

не защищен от царапин, и прошлая неделя стала тому ярким примером. Был день, когда мне хотелось расплакаться от того, что я услышал. Был другой день, когда мне хотелось избить человека, который, по словам социального работника, сделал нечто ужасное со своим ребенком. И был день, когда я испытал непередаваемую радость, узнав, что моя больная раком пациентка теперь в ремиссии. Но был и день, когда мне хотелось уволиться, потому что я утонул в постоянно растущем объеме работы. Это непредсказуемые и заманчивые приливы и отливы моих будней терапевта. Моей жизни. Каждого ее дня без исключения.

Усталость и чрезмерная нагрузка пробуждают худшее в человеке.

А теперь я хочу раскрыть вам секрет. Когда терапевт говорит, что он не против послушать о вашей четвертой (на этот раз точно последней) проблеме, он лжет вам в лицо. На самом деле, вы рушите его день, лишая его надежды пообедать не на бегу или спокойно сходить в туалет. Неужели на это способен всего один человек? Нет, это было бы слишком драматично даже для самых деликатных врачей. Однако, когда половина пациентов это делает, именно так и происходит. Несмотря на это, врач все равно с готовностью выслушивает вашу четвертую проблему. Почему? Потому что врачи сидят перед вами, скрывая свое истинное лицо. Прозрачность? Честность? Глупости! Они проявляют к вам снисходительность. Их истинные чувства покрыты сахарной глазурью.

рю. И этот важный факт, эта истина, подводит меня к тому, что я хочу сказать вам дальше: меня зовут не Макс Скиттл. Мое имя не имеет никакого значения. Значение имеет лишь то, что в этой книге я буду говорить с вами со всей нефальшиванной и жестокой честностью. Именно это я и намереваюсь сделать. А теперь, чтобы подлить масла в огонь, я задам вам вопрос: почему вы думаете, что я мужчина? Может, это сокращение от имени Максин...

Прежде чем мы погрузимся в мир врачебной практики, было бы полезно кратко описать меня вне работы. Мой рост 190 сантиметров. Я красивый. Веселый (вы это уже поняли). У меня тело греческого бога. Ну, возможно, в следующей жизни я действительно буду так выглядеть. На самом деле мой рост чуть выше 170 сантиметров (я ношу кроссовки на толстой подошве), а в тренажерный зал последний раз я ходил еще в школе. Несмотря на это, со мной живет Элис, моя добрая, веселая, красивая, энергичная (ничего удивительного, у нее рыжие волосы) и умная жена. Мы познакомились через университетских друзей, и она спасла меня от жизни на сайтах знакомств и неправильного использования смайликов. Последние четыре года мы живем в маленькой квартирке в центре оживленного и очень шумного города. Наша квартира также служит для Элис офисом, где она работает как довольно востребованный графический дизайнер. У меня в голове не укладывается, что она позволила мне стать ее мужем, и я люблю ее так же сильно (если не сильнее), как в

день нашей свадьбы шесть лет назад. Элис держит меня под контролем, и она единственный человек, способный до меня достучаться, когда я веду себя как придурок. А такое бывает часто. И еще она на 27-й неделе беременности. У нее растет живот — наш живот.

Однажды мне мне хотелось расплакаться от того, что я услышал. Но был и другой день, когда мне хотелось ударить человека, который сделал нечто ужасное со своим ребенком.

Родительство маячит на горизонте, и это вызывает у нас смешанные чувства. Для нас, как и для многих пар, это было непростое путешествие. До этого мы с Элис пережили много мрачных дней, недель и месяцев. И хотя мы могли бы обойтись без травм, но они укрепили нашу любовь и преданность друг другу так, что я никогда не смогу описать это словами. Каждое утро я просыпаюсь с мыслью о том, как мне повезло. Я не буду извиняться за свои излияния: все это правда, и я не смею желать большего. Хотя если бы Англия выиграла Кубок мира по регби еще несколько раз за мою жизнь, то это было бы очень кстати — в отличие от четвертой проблемы одного пациента. И, хотя я хотел бы, чтобы моя личная жизнь была четко отделена от профессиональной, я уверен, что это невозможно. На самом деле Элис и ее живот оказывают огромное влияние на то, с каким врачом сегодня встретятся мои пациенты. Например, если живот всю ночь вел себя отвратительно и не давал Элис спать (следовательно, и

мне тоже, поскольку мне приходится оказывать ужасную супружескую моральную поддержку), вызывая боль в спине и сдавливая ее мочевого пузырь до размера горошины, то я буду неразговорчив и резок со своими пациентами. Да, я во всем виню нерожденного человека. Я не говорил, что я ангел. Но, должен признаться, я начинаю об этом сожалеть, как только это осознаю. Однако если мы с Элис накануне красили детскую, мечтая о предстоящих приключениях, то я буду на седьмом небе и, возможно, выслушаю даже про вашу пятую проблему. Семья – это одновременно доспехи и ахиллсова пята, а жизнь и работа сливаются воедино.

Итак, я хочу поговорить с вами об окнах. На самом деле работа терапевта связана в основном с ними. Именно они делают мою профессию одной из лучших в мире. Видите ли, каждый пациент, который приходит ко мне, приоткрывает для меня окно в свою жизнь. Я обладаю привилегией заглянуть в него и сделать жизнь своего пациента лучше. Ни одна другая профессия не отличается настолько целостным, всеобъемлющим и продолжительным взглядом на чужую жизнь, и все эти окна совершенно разные. Они бывают четырех типов. Самыми распространенными являются чистые и прозрачные окна, через которые вы как пациент указываете мне на что-то. Например, на больное колено, которое вы травмировали во время бега. Легко. Второй тип окон уже не так прозрачен: это грязные окна. Вы хотите, чтобы я помог вам с проблемой, причина которой не является оче-

видной. Например, вас беспокоит чувство постоянной усталости. Нам обоим нужно щуриться и напрягаться, чтобы что-то разглядеть через грязные пятна на стекле. Возможно, нам даже придется плюнуть на стекло и протереть его рукавом, чтобы было лучше видно. Только тогда я смогу заглянуть в вашу жизнь и понять, что может быть причиной усталости. Окна третьего типа у вас существуют, чтобы показать мне что-то (вашу повестку дня, например). На самом деле меня больше интересует то, что происходит здесь (моя повестка дня). В качестве примера можно привести случаи, когда в ходе рутинного медицинского обследования у вас обнаруживаются диабет второго типа. Вы хотели сделать анализ крови, потому что беспокоились из-за уровня холестерина, и не ожидали, что я прижму нос к вашему окну, пытаюсь понять, как так вышло, что анализ крови выявил у вас высокий риск развития диабета второго типа. И это важная находка, поскольку моя работа заключается не только в диагностике заболеваний, но и в их профилактике. Наконец, есть четвертый тип окон. Это окна, которые вставил вам кто-то другой, потому что беспокоится о вас. Очень распространенный пример — это тревоги по поводу ухудшения памяти пожилого родителя или его неспособность справляться с повседневными делами из-за растущей слабости. Все эти окна мне очень интересны. Поэтому каждый раз, когда мне позволяют заглянуть в окно, я принимаю возможность помочь вам как большую привилегию.

Хотя заглядывать в ваши окна очень здорово, реальность такова, что моя способность делать это стремительно меняется. Это связано с политическими, экономическими и структурными изменениями, которые отражаются на всей Национальной службе здравоохранения и работе врачей. Говоря об изменениях, я на самом деле имею в виду, что нам вставляют в рот кляп, а затем избивают и бросают в заброшенный затопленный карьер. Государственные клиники, включая ту, в которой я работаю, прогибаются под тяжестью спроса на услуги, во много раз превосходящего нашу способность их предоставлять. Это касается как маленьких сельских медицинских кабинетов, обслуживающих 3000 пациентов, так и крупных городских больниц или больничных комплексов, обслуживающих 60 000 пациентов. Время ожидания приема становится недопустимо долгим, и недовольство пациентов – неотъемлемая часть моего дня. Множество опытных и квалифицированных терапевтов рано покидают профессию, ссылаясь на стресс и эмоциональное выгорание. В течение трех лет, прошедших с моего выпуска из медицинской школы, я наблюдал за тем, как ситуация усугубляется. Хотя газеты поносят врачей, которые увольняются, я поздравляю их с тем, что они протянули максимально долго. Вы свое отработали. Отдыхайте, товарищи!

Каждый пациент приоткрывает мне окно в свою жизнь.

Мы все прекрасно знаем, что очень легко судить кого-то,

если вы никогда не были на его месте. Находясь в начале своей карьеры и будучи наивным, я еще могу каждый вечер возвращаться домой к Элис и ее животу и оставлять за порогом тревогу о том, не упустил ли я рак у своего пациента. Через 30 лет мой взгляд на вещи, возможно, изменится. Устав и выгорев с возрастом, я, быть может, буду с нетерпением ждать выхода на пенсию и не расставаться с бутылкой скотча. Ответственность за здоровье другого человека – это одновременно привилегия и проклятие. Когда ты видишь, что пациенту становится лучше, ты испытываешь невероятный кайф. Ты не хочешь оказаться на проигравшей стороне и подорвать доверие пациента, сделав что-то не так.

Надеюсь, из этого краткого описания вы поняли, что я за человек, почему я люблю эту работу и зачем Национальная служба здравоохранения портит вечеринку как медицинским работникам, так и пациентам. Думаю, в заключение было бы полезно пролить свет на то, как я мыслю, когда пациент входит в мой кабинет. Таким образом, следуя книге, вы начнете представлять, насколько мне легко или трудно. Но давайте сначала поговорим о том, как выглядит моя рабочая неделя. Обычный рабочий день длится с 08:15 до 18:15. Я говорю «обычный», но правда в том, что я прихожу в клинику раньше, а ухожу из нее позже, чтобы успеть выполнить всю работу, которая накапливается за время консультаций с пациентами. Сегодня мы работаем в режиме «Титаник».

Недовольство пациентов – неотъемлемая часть

моего дня.

Вид моего типичного дня с высоты птичьего полета таков: у меня один утренний прием, который длится около четырех часов, и один вечерний, который длится столько же. Между приемами (вот почему вы почти никогда не можете записаться к врачу в обед) у меня есть время, чтобы совершить как минимум один экстренный выезд на дом, прочитать письма узких специалистов, поговорить с социальными работниками, сделать несколько телефонных звонков и просмотреть результаты анализов крови (а также результаты патологоанатомических экспертиз, вагинальных мазков, соскобов кожи и УЗИ). Если результаты анализов не в норме, я звоню пациентам. Честно говоря, чаще всего я просматриваю результаты анализов уже после 18:15, поскольку ничего не успеваю, как и все остальные терапевты в мире. Прием обычно состоит примерно из двадцати десятиминутных личных консультаций и пяти семиминутных телефонных консультаций. За день я принимаю около 40 пациентов лично, консультирую по телефону 10 и к одному приезжаю на дом. Итак, за четырехдневную клиническую неделю (о пятом дне я расскажу позже) я принимаю 160 пациентов, консультирую по телефону 40 и прихожу на дом к четверем. Раз в неделю в клинике проходят дни без записи, когда пациент может просто прийти и подождать в живой очереди. В этом случае в клинику является миллион человек и портит мне весь день. Тем не менее я не виню этих людей: попытки записаться на при-

ем к терапевту могут быть настоящим ночным кошмаром. Если вы сильны в математике, вы уже поняли, что я работаю только четыре дня в неделю, поскольку пять дней работы с пациентами – это слишком много. Важно иметь в виду, что все врачи имеют разную нагрузку. Кто-то работает один день в неделю, а кто-то – пять, но таких очень мало. Кто-то, желая увеличить доход, берется за дополнительную работу (думаю, они задействуют пятый день), например участвует в рабочих группах управления первичной медицинской помощью, развивающих здравоохранение на местном уровне. И лишь немногие терапевты принимают пациентов пять дней в неделю. Поверьте, это было бы тяжело не только для врача: консультация измученного и эмоционально выгоревшего терапевта не принесет пользы пациенту. Каждый человек заслуживает внимательного и сосредоточенного врача.

Теперь поговорим о консультации. Все начинается, когда я нажимаю кнопку вызова пациента и задерживаю дыхание от нетерпения. В этот момент включается гипотетический отсчет 10 минут. Первая трудность заключается в том, чтобы привести пациента в мой кабинет. Иногда только это занимает пять минут. Здесь следует упомянуть пожилых людей на костылях и в креслах-каталках, матерей с неповоротливыми колясками для близнецов и тех, кто просто не слышит, как объявляют их имя, потому что они уткнулись в телефон. Я встречаю пациента в своем кабинете и представляюсь Максом Скиттлом. Я никогда не говорю «доктор Скиттл», это

слишком формально, кроме того, устанавливает ненужную иерархию между мной и пациентом. Потом я внимательно его выслушиваю («Что вас беспокоит сегодня?») и просматриваю электронную медицинскую карту, чтобы узнать, какие у него проблемы со здоровьем, какие препараты он принимает и так далее.

Затем я осматриваю пациента, при необходимости проверяю жизненные показатели (частота сердечных сокращений, артериальное давление, температура, частота дыхания и уровень кислорода в крови), пытаюсь поставить диагноз, составляю план лечения, который его устроит, делаю заметки в формате, понятном другим людям, а затем (радуясь поводу встать со стула) провожаю его до двери, осторожно подталкивая, как игрушечный кораблик на воде, и выдыхаю...

За день я принимаю около 40 пациентов лично, консультирую по телефону 10 и к одному приезжаю на дом.

В то время как я совершаю эти шаги подсознательно, на автомате, сознательная часть моего мозга решает, каким должно быть обследование, лечение и последующее наблюдение, уже на третьей минуте приема. Я имею в виду, что на третьей минуте я обычно уже знаю, как выставить пациента из моего кабинета вовремя и не умереть в процессе. У меня остается семь минут, чтобы превратить мечту в реальность. Позднее вы узнаете, что эта задача всегда усложняется психотическими пациентами, пациентами с пятью проблемами,

пациентами, не говорящими по-английски, и (мои личные фавориты) пациентами, которые никак не могут найти кабинет. Все нужно успеть сделать ровно за 10 минут.

Как эту работу можно не любить?

Пока объяснений достаточно. Давайте вернемся к понедельнику, хорошо? Клик! Динь! Брюки все еще мокрые, но я поднимаюсь, чтобы встретить своего первого пациента.

Здравствуйте, я Макс Скиттл. Чем я могу помочь?

Июнь 2018 года

Понедельник, 4 июня

Должен признаться, я никогда раньше не слышал об анальных дубинках, но благодаря Ли и удивительно яркому описанию его ночных приключений со Стивеном, парнем из Grindr³, ментальный образ обрел форму. Неплохое начало недели. Сейчас только 08:30, и все мои мысли о том, чтобы быстренько сходить по-большому, испаряются, поскольку мой анус туго сжимается. Делая записи в карте Ли, я изо всех сил стараюсь выглядеть погруженным в диагностический процесс. Пациента интересует, может ли энергичная стимуляция заднего прохода дубинкой привести к разрыву кишки. Я же в это время пытаюсь догадаться, официальное ли это название для данного предмета (делая записи в карте, нужно быть максимально точным, ведь ты никогда не знаешь, когда на тебя подадут в суд). Разумеется, мне неловко спрашивать об этом Ли, хотя я уверен, что он знает точно, ведь, в конце концов, он наверняка сам ее и заказывал. Сделав записи, я перехожу к ответу на его вопрос: да, гипотетически разрыв мог произойти. Любое инородное тело в вашей заднице может порвать сильную, но тонкую кишечную стенку толщиной два миллиметра. Но, поскольку единствен-

ный симптом Ли – это расстройство желудка, у меня возникают большие сомнения, что дубинка смогла пройти девять метров по желудочно-кишечному тракту, от ануса до шейки желудка, даже если Стивен проявлял большой энтузиазм. Я наблюдаю за тем, как беспокойство исчезает с лица пациента, пока я объясняю ему все это (к тому же у него нет других симптомов, и осмотр ничего не выявил). Меня не может не впечатлить полное отсутствие у него смущения. Молодец, наслаждается жизнью! Обычно я завершаю подобные консультации, делая набросок желудочно-кишечного тракта, чтобы проиллюстрировать свои слова, но, поскольку я точно не знаю, как нарисовать анальную дубинку, не сделав ее похожей на орудие викингов, я решаю этого не делать и не признаваться в полном отсутствии у себя мирских знаний.

Вторник, 5 июня

Я понимаю, что дежурный врач конкретно подставил меня, когда оказываюсь в квартире Антона на первом этаже. «Просто быстрый визит на дом», – говорили мне. Пошло все на хрен. Обычно мы приходим домой к престарелым пациентам, которые не могут приехать в клинику сами. Антона нужно было проведать на дому, потому что психиатрам не удавалось с ним связаться. Делать это пришлось мне. Он впустил меня, но выпускать отказался. Он говорит, что защищает меня. Меня защищает ремень безопасности, парень, а не ты. Еще хуже, он размером с танк, что во многом связано с

коктейлем из антипсихотических препаратов (но сейчас они явно не действуют) и цунами из пустых коробок фастфуда, среди которых я стою. К сожалению, у моего нового друга Антона, который разгуливает без рубашки, произошел острый психотический эпизод.

Стоя там, я а) думаю, пригодилась бы мне в такой ситуации анальная дубинка (в качестве оружия, уверяю вас); и б) пытаюсь переварить его слова о том, что он защищает меня от трех орков (да, тех самых уродов из «Властелина колец»), которые якобы ждут за дверью и хотят нас убить. Еще я гадаю, как он смог позволить себе 82-дюймовый телевизор и почему все пациенты, к которым я прихожу в обеденное время, смотрят «Свободных женщин»? Пока Антон удивляется, как мне вообще удалось пройти мимо орков (а я замечаю, что скромно киваю в ответ на его слова), решаю воспользоваться возможностью вразумить его.

Итак, после 20 минут разговоров о том, что ему нехорошо, что орков на самом деле не существует и что ему требуется дополнительная поддержка (я внушал ему это, стараясь не обращать внимания на дебаты «Свободных женщин»), Антон позволяет мне вызвать бригаду скорой психиатрической помощи. Психиатры должны приехать сегодня. У меня поднимается настроение. Я уже не боюсь, что останусь у Антона в заложниках и буду вынужден смотреть с ним ужасные телешоу. И еще я очень хочу есть. Наконец Антон делает шаг в сторону, и я вижу дверь, а за ней солнечный свет. Когда я со-

бираюсь уходить, Антон по-медвежьи обнимает меня и благодарит за то, что я выслушал и поверил ему. Когда он обхватывает меня руками и в мой рот попадают потные волосы с его груди, я понимаю, что каждому из нас нужно немного любви.

Четверг, 7 июня

У Антона я чуть не умер, поэтому испытал огромное облегчение, узнав, что сегодня у меня нет вызовов на дом. Они могут как украсить, так и разрушить весь день. Если предстоит вызов на дом, обед превращается в упражнение по частичному пережевыванию пищи и вливанию в себя кофе, которое я выполняю в перерывах между звонками пациентам. Обычно я проглатываю еду за секунду до того, как сказать: «Здравствуйте! Это доктор Макс Скиттл». Когда вызовов на дом нет, я могу сесть (а перед этим даже вымыть руки) и пообедать как нормальный человек. У меня появляется возможность зарядить батарейки перед началом дневного приема.

На третьей минуте приема я обычно уже знаю, как выставить пациента из кабинета.

Не понимаю, как я умудрился поправиться за последние три года, ведь я редко обедаю. Когда я только начал работать терапевтом, мне не нужно было «подзаряжаться», поскольку я был жизнерадостным щенком, кусавшим пациентов за пятки в попытке загнать их в свой кабинет и вылечить. Од-

нако всего три года спустя мои шины начали немного изнашиваться. Так как сегодня миссис Талли первая в списке тех, кому я должен позвонить, мне понадобится перерыв. Она хуже персонажа из ночного кошмара. Эта 73-летняя женщина, не покидающая свой дом, за последние два года сменила больше сиделок, чем можно себе представить. Никто не хочет с ней работать. Такой подвиг заслуживал бы медали, если бы поведение миссис Талли не было настолько раздражающим. Я имею в виду, что для этой работы требуются серьезные навыки, поскольку трудолюбивые, низкооплачиваемые и обычно недооцененные сиделки часто сталкиваются со злоупотреблениями со стороны пациентов. Миссис Талли отличается уникальным сочетанием снисходительности, покровительственности и невежества. Телефонные консультации должны длиться семь минут, но мои разговоры с миссис Талли никогда не бывают короче пятнадцати. Я мечтаю, чтобы однажды мне хватило смелости просто повесить трубку, но глубоко внутри я мягкий человек, и этого никогда не произойдет.

Сегодняшний звонок проходит точно так же, как и все остальные еженедельные телефонные консультации: сиделки абсолютно некомпетентны, и никто из них не говорит по-английски должным образом. Во время телефонного разговора с ней мне обычно удастся ответить на несколько электронных писем, потому что я ее терапевт, а не социальный работник. Социальный работник у нее есть. На самом деле

их было очень много, потому что каждый из них в итоге отказывался с ней работать. Она неприступна, как Эверест до Хиллари и Тенцинга⁴. Как всегда, я завершаю разговор вопросом о том, есть ли у нее реальные жалобы на здоровье (их никогда нет, и сегодня тоже), а потом говорю ей и дальше держаться молодцом (над этим она всегда хихикает). Затем я, как всегда, пишу социальному работнику, что миссис Талли все еще не удовлетворена работой социальной службы и что эту проблему нужно решить.

Моя работа на этом окончена.

Пятница, 8 июня

Я безумно радуюсь пятнице. Сейчас 13:00, и я работаю только до обеда. Мне осталось принять последнего пациента, а потом я смогу поехать домой к своей жене Элис и ее животу. Я сегодня в ударе. Бумажная работа сделана, электронные письма прочитаны (и выборочно проигнорированы), результаты анализов крови изучены. Я смотрю на список дел и понимаю, что справился со всеми. Я чувствую себя прекрасным терапевтом. Закрываю глаза, чтобы насладиться несколькими золотыми секундами и сохранить их в своей памяти на черный день.

Обед в рабочее время для меня роскошь и редкость, но я как-то умудрился поправиться.

---

⁴ Тенцинг Норгей – непальский шерпа, альпинист. Один из двух людей, первыми покоривших высочайшую вершину мира – Эверест.

Ветер дует в мои клинические паруса, и я встречаю Дункана, гнусавого 23-летнего молодого человека. Когда он кладет спичечный коробок рядом с клавиатурой, у меня в голове звучит сигнал (примерно как у Питера Паркера, но врачебная разновидность) о том, что все это немного странно.

С этого момента все происходит словно в замедленной съемке. Я сижу и слушаю Дункана (хотя в мыслях уже ушел с работы и еду домой, чтобы посмотреть «Остров любви» с Элис), который говорит, что у него в квартире, вероятно, завелись клопы, но он не уверен. Я киваю (это опять происходит в замедленной съемке) и продолжаю слушать, но не могу осознать весь тот кошмар, что разворачивается у меня перед глазами. Дункан объясняет, что, поскольку он не был уверен, клопы ли это, то принес одного жучка в спичечном коробке. Прежде чем мой мозг успевает обработать его слова, он открывает коробок. Если бы я сделал быстрый вдох, оказавшийся на свободе клоп за мгновение оказался бы у меня в носу.

Хотя я всеми фибрами души хочу крикнуть Дункану, что он идиот, я закрываю коробок, быстро достаю буклет о способах избавления от клопов, а затем деликатно прошу Дункана сжечь коробок вместе с его содержимым и больше никогда не приносить в мой кабинет подозрительных жуков. Мне кажется, что я расстроил Дункана, поэтому напоследок хвалю его за пойманного жучка. Сомневаюсь, стоит ли мне рассказывать об этом происшествии Элис, ведь она может

отправить меня спать в другую комнату...

Суббота, 9 июня

Проснулся от зуда (не в другой комнате). Спасибо, Дункан!

Понедельник, 11 июня

Неделя должна была начаться хорошо. Я знал об этом с момента, когда в прошлый вторник мне на электронную почту пришло письмо о том, что сегодня весь медицинский персонал обязан присутствовать на тренинге по оказанию неотложной помощи. Клиники проводят такие тренинги для терапевтов на протяжении всего года, и они прекрасно помогают нам почувствовать себя единой командой (это очень важно для пациентов, которым предстоит пройти долгое лечение), отточить уже имеющиеся навыки и приобрести новые.

Я сажусь на стул в углу рядом с остальными работниками нашей клиники, среди которых три медсестры, фармацевт, 10 врачей, шесть работников регистратуры, менеджер и четыре администратора (все эти люди необходимы, чтобы помогать 14 000 зарегистрированным пациентам), и готовлюсь к трем расслабленным часам. К сожалению, Кев, наш инструктор по неотложной помощи, встает перед нами. Расставив ноги на метр (явно для того, чтобы освободить место для своих предположительно огромных яичек) и скрестив

мускулистые руки с татуировкой «Не утратить веру», он топаёт своими огромными походными ботинками, чтобы привлечь наше внимание. Это красный флаг! Мы в городе, и в таких ботинках нет необходимости. Я не хочу показаться неблагодарным: этот парень выполняет важную работу, и каждый из нас должен уметь оказать неотложную помощь члену семьи, другу или даже незнакомцу (это действительно спасает жизни). Однако меня убивает тот факт, что наш инструктор – по-настоящему крепкий орешек. Он сразу просит врачей поднять руку (я пытаюсь спрятаться за спиной нашего администратора Салли, но меня замечают). Кев задает мне школьный вопрос о сердце и кровообращении, и я, к счастью, отвечаю верно (хотя меня бесит то, что мне очень хотелось ответить правильно!). Неужели я подсознательно стремлюсь его впечатлить? Надо подумать об этом вечером, когда буду принимать ванну. Когда блиц-опрос завершается, наш парень продолжает войну с моим желанием жить, рассказывая нам героические истории о том, как он спасал жизни. Это уже слишком. Сейчас я бы предпочел оказаться в клинике, полной самых вредных пациентов (тех, от общения с которыми мне хочется вырвать свое сердце и положить его в микроволновку на металлической тарелке), в том числе миссис Талли. Элис всегда говорит, что мне плохо удастся скрывать свои истинные эмоции (интересно, житель ее живота унаследует мое выражение лица, которое говорит «отвали»?). По этой причине я решаю сосредоточиться на жестикулирую-

ющих руках Кева, не смотреть ему в глаза и не показывать свои истинные чувства. Проблема в том, что его руки двигаются прямо перед его предположительно огромными яйцами. Я задерживаю дыхание. «Ты должен это выдержать, — думаю я. — Должен». Удивительно, но каждый раз, когда я думаю, что Кев уже не сможет вести себя хуже, он умудряется это сделать. Последней каплей (в этот момент я был готов потянуться за ножницами) стали его слова о том, как мы должны вести себя на гражданке (опять же, приятель, мы не на военной службе!), если мы станем свидетелями происшествия, по его мнению, мы должны подойти к полицейскому или парамедику и тихо прошептать: «Я врач, товарищ». Пожалуйста, вызовите этому парню такси!

Это были самые долгие три часа в моей жизни.

Вторник, 12 июня

Неделя началась не очень хорошо. Я сижу на работе, пытаюсь понять, как успокоить Элис, после того как через дорогу от нашего дома произошло очередное ограбление. После этого мы опять начали обсуждать, сможем ли мы переехать в более безопасную и большую квартиру, чем наша клетушка. А еще я узнал, что у миссис Коллинс рак груди.

Черт!

Она пришла ко мне пять месяцев назад, после того как обнаружила уплотнение в груди, пока мылась в душе. Я осмотрел ее и сказал, что через две недели ей нужно показаться

местному маммологу (при подозрении на рак пациента записывают к узкому специалисту в течение двух недель). К сожалению, она решила, что работа гораздо важнее, чем поход к врачу. Подозреваю, это стало результатом ее прилежности и нежелания начальства предоставлять ей часы за свой счет.

Три раза.

Три раза она пропускала прием.

Каждый раз, когда я перезазписывал ее к специалисту, я умолял ее сходить и подчеркивал, как важно исключить рак. На четвертый раз она все же пошла к врачу, и оказалось, что у нее рак. Я рассердился на нее. Понимаю, ей казалось, что она поступает правильно, не пропуская работу, однако вы не сможете работать, если будете мертвы, миссис Коллинс! Теперь, когда мы сидим с ней в одном кабинете, меня переполняет чувство солидарности. Она очень приятный человек (в отличие от многих моих пациентов) с очаровательным мягким шотландским акцентом. Она не заслуживает этого (конечно, никто этого не заслуживает, ведь рак очень жесток).

Если все будет хорошо, на следующей неделе она поедет на университетский выпускной ее сына.

После слез и обсуждения плана химиотерапии, составленного онкологом, мы обнимаемся на прощание. Я не обнимаю всех своих пациентов и не знаю, что об этом сказано в официальном руководстве для терапевтов, но мне показалось это правильным. По дороге домой я размышляю о том, что моя работа – это гораздо больше, чем просто выписывать таблет-

ки направо и налево. Смотреть в жизненные окна других людей – это настоящая привилегия. К сожалению, иногда мне приходится брать молоток, разбивать окно и наполнять их дом дерьмовыми новостями вроде этой. Но, как мне кажется, это все же лучше, чем скрывать подобные новости до тех пор, пока не станет слишком поздно.

Я надеюсь, что у миссис Коллинс все будет хорошо, несмотря на то, что диагноз поставили поздно. Я уверен, теперь, когда ее система ценностей изменилась (рак всегда этому способствует), она увидит выпускной своего сына в самых ярких оттенках.

Может, мне стоит купить Элис перцовый баллончик? Он дешевле новой квартиры.

Четверг, 14 июня

Я не совсем уверен, как сформулировать ответ. Бенни сидит и смотрит на меня.

Молча.

Он просто ждет, когда я дам фантастический медицинский ответ на его откровенно странный вопрос. Я делаю паузу и смотрю в окно. У меня есть 10 минут, чтобы помочь Бенни понять, в чем смысл жизни. Да, он пришел ко мне с этой проблемой. Он выглядит нормально, из-за чего его вопрос звучит еще более странно. Сегодня практически невозможно попасть на прием к терапевту, но ему как-то удалось это сделать. И все ради этого?

Моя работа – это гораздо больше, чем просто выписывать таблетки направо и налево.

Я пытаюсь понять, что скрывается под его маской невозмутимости. Это шутка? Может, я участвую в тупом телешоу, где подкалывают терапевтов? Может, «Свободные женщины» решили начать мстить? Я ничего не понимаю. У него нет проблем с психическим здоровьем. Никаких странных религиозных взглядов. Он в порядке. Я начинаю подозревать, что дело в наркотиках. Парню 17 лет, и он вполне мог покурить травку. Других вариантов у меня не осталось.

Я облажался.

Понимаете, проблема медицинского образования (особенно подготовки терапевтов) в том, что никто не учит вас справляться со странными ситуациями, в которых вы оказываетесь изо дня в день, а без них никогда не обходится. Эти странности прячутся среди привычных жалоб на простуду, кашель, проблемы с глазами и растяжение голени. Я снова на секунду смотрю в окно, чтобы выиграть немного времени и скрыть улыбку. Представляю, как позднее расскажу об этом Элис. В конце концов я решаю дать ответ, который может показаться неожиданным. Я распрямляю спину и сообщаю Бенни, что ответа на его вопрос нет и что жизнь означает разные вещи в разное время в разных местах и для разных людей. Затем я наношу ему удар еще одним клише (слегка наклонив при этом голову, как это любят делать терапевты): «Жизнь – это путешествие, дружок». Уходя, он выгля-

дит еще более сконфуженным, чем когда вошел в кабинет.

Что ж, Бенни, такова жизнь.

Пятница, 15 июня

В данный момент шестилетняя Чарли крутится на моем стуле с моим стетоскопом на шее и прекрасно проводит время, несмотря на то что она вот-вот выколет своему четырех-летнему брату глаз острым концом моего неврологического молотка (он похож на колышек для палатки, но предназначен для проверки сухожильных рефлексов). Она одна из моих любимых пациенток. Отчасти это связано с тем, что с ней я никогда не чувствую себя бесполезным, а отчасти с тем, что она сама просит свою маму привести ее ко мне (да, мне стыдно, что я говорю все это, чтобы предстать перед вами классным врачом, хотя и являюсь таким только в глазах шестилетки).

Жаль, что студентов никто не учит справляться со странными ситуациями, в которых врачи оказываются каждый день.

Сегодня она пришла ко мне со своей мамой, потому что у малышки болит горло. Благодаря своей магической лечебной силе (а я не стану разубеждать в этом Чарли) я диагностирую у нее острый бактериальный тонзиллит, инфекцию, поражающую миндалины. Ее случай соответствует всем критериям, применяемым для оценки вероятности стрептококковой инфекции горла: нет кашля, повышенная температу-

ра, гной на гигантских миндалинах и лимфатические узлы на передней стороне шеи размером с мячи для гольфа. В таком случае поставить диагноз проще простого. Ее приз? 10 дней антибиотиков и гора мороженого (я всегда прописываю его, потому что дети сходят с ума от предложения о принудительном потреблении мороженого).

Чарли крутится на стуле все быстрее и быстрее, пока я объясняю ее маме план лечения. Мне всегда очень приятно видеть детей в клинике. Дело не только в том, что они часто представляют собой медицинское чудо, будучи больными, но выглядя при этом вполне бодро, но и в том, что они позволяют мне самому стать ребенком на 10 минут. Из 32-летнего я превращаюсь в 19-летнего, хотя Элис сказала бы, что в 5-летнего. Чарли вскрикивает от восторга, когда дает мне пять в прыжке и в очередной раз получает наклейку с «Миньонами» за то, что она снова стала мини-легендой. Только когда они уходят, я понимаю, какой беспорядок теперь в моем кабинете. Неужели обитатель живота Элис когда-то станет таким же? Что касается беспорядка, то мне все равно. Эта консультация принесла мне много радости. Хотя дети бывают у меня редко, когда они все же приходят, я чувствую себя великолепно.

Воскресенье, 17 июня

Сегодня мы с Элис и ее животом ходили на прогулку в парк. Всегда забавно проходить мимо пациента. Для приме-

ра возьмем мистера Стоуна, который был сегодня на воскресной пробежке. Только в прошлый четверг я вводил свой смазанный указательный палец ему в задний проход, чтобы проверить простату. Мы встретились взглядами и кивнули друг другу, когда он, запыхавшись, пробежал мимо меня.

Общая травма объединяет.

Понедельник, 18 июня

Он умирает. Мы с его женой это знаем, но мистер Клайн, к сожалению, нет. Стоя у его постели в их красивом доме, с любовью украшенном фотографиями семьи и друзей с различных праздников и торжеств, я чувствую сильное желание помчаться домой, чтобы поцеловать Элис и ее живот. Сочувственно улыбаюсь его жене, но на ее лице вижу только боль и страдания.

До сегодняшнего дня мы с мистером Клайном не встречались. Я не знал, что он идет по дороге смерти из-за запущенного рака простаты, распространившегося на кости в этом году. Однако его близкие, конечно, знали, и я нисколько не сомневаюсь, что это причиняет боль каждому из них. Как мне кажется, многие семьи столкнутся с подобным в той или иной форме. Теперь, сидя у его постели, я стараюсь направить мистера Клайна к той же странице, где уже находятся все остальные. Там говорится, что конец его жизни близок. Я делаю намек за намеком. Я мечтаю, чтобы он понял и признал, что знает о близости смерти, и мне не пришлось бы са-

мому говорить об этом. Его жена теперь тихо плачет в углу, жадно хватая ртом воздух. На меня накатывает волна вины за жалость к себе, когда я смотрю на часы и понимаю, что из-за этого вызова на дом я не успею начать вечерний прием вовремя. Я ненавижу себя в моменты, когда мне в голову прокрадываются такие эгоистичные мысли.

Мы сидим в тишине минут пять – поверьте, это нелегко. Мы слишком часто стремимся заполнить паузы. Тишина порождает чувство неуверенности, а неуверенность порождает страх. Таковы особенности человеческой природы, если, конечно, вы не психопат. В таком случае вам, возможно, нравится тишина.

Пора. Я прошу мистера Клайна позволить мне высказаться по поводу его состояния и прогноза. Он соглашается, после чего я делаю предупредительный выстрел и говорю, что новости плохие. Выражение его лица свидетельствует о том, что он все знает. Конечно, знает, просто он не может принять эти мысли. Поэтому я сообщаю ему свои соображения, отражающие реальность: я говорю ему, что он умирает и нам всем необходимо к этому подготовиться. Причем подготовиться нужно раньше, а не позже. Его жена, которая до этого была для него каменной стеной, рассыпается, рыдая. Мысли снова возвращаются к моей семье, но я не даю им воли. Какими бы дерьмовыми ни делала эта работа некоторые дни, она всегда предоставляет возможность задуматься и о своей собственной жизни. Я благодарен ей за это. Совершенно

неожиданная награда за работу, о которой не говорят, когда вы подаете заявление на курс терапевта, хотя о ней действительно следует предупреждать.

Молчание порождает чувство неуверенности, а неуверенность порождает страх.

Тишина устанавливается во второй раз. Я еще раз сообщаю новость и объясняю мистеру Клайну, что хочу направить его в местный хоспис, чтобы все его потребности в конце жизни были удовлетворены. Он кивает как человек, который знает, что его время подходит к концу. Из-за этого кивка мне хочется плакать, но я сдерживаюсь. В конце концов, мои слезы будут совершенно бесполезными, поскольку сейчас ему и его семье нужно спокойствие, самообладание и контроль со стороны тех, кто пытается помочь. Я возвращаюсь в клинику и начинаю вечерний прием на 40 минут позже. Сегодня, когда смерть стоит на пороге, это не имеет значения.

Вторник, 19 июня

Сегодня я случайно нажал в своем кабинете тревожную кнопку. Это было странно, ведь нужно нажать дважды, чтобы она сработала. У бедной миссис Чаттерджи чуть не случился инфаркт, когда пять моих коллег ворвались в мой кабинет, словно произошла перестрелка у корраля О-Кей⁵.

---

⁵ Gunfight at the O.K. Corral – одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада. Произошла в три часа пополудни 26 октября 1881 года в

Она всего лишь пришла проверить родинку.

Четверг, 21 июня

Ну, это уже совсем другая ситуация. Сиара сидит передо мной со своей подругой, чье имя я уже забыл. Ей всего 16, но она выглядит так, словно ей уже многое известно о жизни. В ее ушах и носу множество проколов со всевозможными сережками, а на шее татуировка. Ее лицо, кажется, эм... враждебным. Сиара говорит, что она, вероятно, беременна. У меня сердце уходит в пятки. Затем она говорит, что на прошлой неделе делала тест и он оказался отрицательным. Надежда есть, особенно если учесть точность современных тестов даже на раннем сроке.

В течение секунды мы смотрим друг на друга так, словно каждый из нас говорит: «И что?» Мы замерли, при этом она тупо уставилась на меня. А у меня нет времени на небеременную девочку, считающую что она беременна, поэтому мне тяжело «перезагрузить» столь странную консультацию. Я начинаю сначала и спрашиваю Сиару, чем я могу ей помочь, если она уже сделала тест. Уверенность, вот что ей нужно. Эта девочка прикидывается взрослой женщиной перед своими друзьями, но на самом деле она тихо боится. Я не хочу судить людей, но, зная район, который мы обслуживаем, предполагаю, что она может быть членом банды. Я спрашиваю о парне, который стал виновником этой неберемен-

ности. Слава богу! Он ее ровесник. Я радостно думаю о том, что мне не придется обращаться в полицию. Однако девочка признается, что этот парень сейчас в тюрьме. Просто прекрасно. Вероятность ее принадлежности к банде взлетает и прорывается через крышу клиники.

После более подробного рассказа у меня наконец формируется представление о ситуации. Она состоит в отношениях с этим, эм, заключенным, и месяц назад у них был незащищенный секс, вскоре после чего его арестовали. Потом у нее были месячные, и тест на беременность оказался отрицательным. Даже два теста, поскольку я попросил ее сделать еще один во время консультации. Если она не Дева Мария, то она точно не беременна. Я читаю ей простейшую лекцию о зачатии детей в надежде, что: а) это поможет ей избежать незапланированной беременности в будущем; и б) ей будет проще сдать школьный экзамен по биологии. Она выходит из кабинета с приятным осознанием того, что пока она не беременна, и с огромной стопкой буклетов о контрацепции, которая еле поместилась в ее детских руках. После этого я отправляю письмо в социальную службу, чтобы предупредить ее сотрудников о девочке в зоне риска.

Ее подруга ни разу не оторвала взгляд от телефона. Классика.

Пятница, 22 июня

Согласно результатам недавнего опроса, проведенного

Национальной службой здравоохранения, 10 % из 2417 моих пациентов, прошедших опрос, НИКОГДА не порекомендовали бы меня как терапевта. НИКОГДА. Это 241 с половиной пациент! Вы шутите? Конечно я не настолько плох! И, кстати, я проверял результаты не только в надежде потешить свое самолюбие. На самом деле я с волнением думал о том, что в конце года будет ежегодная аттестация, и мне нужно было убедиться, что пациенты не слишком поливают меня грязью.

Я начал мысленно составлять список тех, кто мог меня так оценить. Миссис Талли точно среди них, потому что для нее я никогда ничего не делаю. Бенни, возможно, тоже, ведь я не сомневаюсь, что, придя домой, он понял, что я дал ему дерьмовый ответ о смысле жизни. Мистер Стоун тоже. Вы вряд ли оцените своего терапевта как образцового после ректального осмотра, не так ли? Да, мистер Стоун? Думаю, я начну маленькую психологическую войну и повешу на двери плакат с благодарностью остальным двум тысячам пациентов за положительную оценку. Пусть виновным будет стыдно.

Понедельник, 25 июня

Очевидно, мне не позволят пристыдить виновных с помощью плаката. Менеджер Джаспер сказал, что это будет пассивно-агрессивно. Это, несомненно, будут иметь в виду во время аттестации. Тяжело слышать такие слова от взрослого мужчины, который в конце каждого электронного письма

ставит улыбающийся смайлик.

Вторник, 26 июня

Мистер Тоска – 62-летний рок-н-рольщик. Когда он, окутанный запахом дорогого лосьона после бритья, секса и сигар, заходит ко мне в кабинет, я сразу понимаю, почему он мне нравится. Он напоминает мне парня из телевизионной рекламы лосьона после бритья. Он пришел за результатами ежегодного медосмотра и надеется не услышать от меня, что в скором времени рискует умереть от обширного инфаркта. Прости, приятель, тебя ждут неутешительные новости! Мистер Тоска много курит и пьет, имеет повышенное артериальное давление и считает, что спорт нужен только поколению подснежников⁶ (думаю, он имеет в виду поколение снежинок). Если добавить к этому высокий уровень холестерина (мистер Тоска утверждает, что питается правильно, но мне сложно в это поверить, учитывая его первичное ожирение), то риск сердечно-сосудистых заболеваний, например инфаркта или инсульта, просто запределен.

Я объясняю ему все это и говорю, что ему следует подумать об изменении образа жизни и начать принимать статины, снижающие уровень холестерина (думаю, именно этот совет мог бы все изменить в последующие 10 лет), если он

---

⁶ Миллениалы, или Поколение Y, – поколение людей, родившихся с 1981 по 1996 год (к дате начала поколения причисляют 1977–1985 года, к дате конца – 1994–2004 года).

хочет пожить подольше. Мистер Тоска смотрит на меня так, будто я его оскорбил, и говорит, что он не собирается делать все это, ведь у него прекрасная жизнь. Да, кстати, еще он хочет купить «Виагру», потому что у него новая 43-летняя подруга с «большими сексуальными потребностями». Я не посмел расспрашивать подробнее, несмотря на свое болезненное любопытство (у представителей нашей профессии оно развивается против воли). Теперь ему точно светит сердечный приступ. Несмотря на мое беспокойство и настойчивые советы, он ушел в том же настроении, в каком пришел. Видимо, он собирается рано лечь в могилу. Я же говорил, что он настоящий рок-н-рольщик.

Среда, 27 июня

Сегодня опять моя очередь дежурить по клинике. Все терапевты дежурят три или четыре раза в месяц, и, честно говоря, это довольно приятный отдых от монотонности, которая сопровождает мою работу. Если в обычные дни, когда я веду утренний и вечерний приемы, пациенты записываются ко мне заранее, то во время дежурства мой день с 08:00 до 18:30 никак не распланирован. Я просто сажусь за стол и, затаив дыхание, жду. К 08:01 у меня появляется длиннющий список дел. Я должен оказывать помощь пациентам, которым требуется срочная консультация, но они недостаточно больны, чтобы сразу ехать в отделение неотложной помощи, где им придется прождать в очереди семь часов. Еще мне

нужно связываться с пациентами, у которых очень плохие результаты анализов крови (чтобы убедиться, что они еще живы).

Мне также приходится сталкиваться с социальными проблемами. Как ни странно, они занимают значительную часть моего дня на дежурстве. Мне звонят отчаявшиеся люди, они беспокоятся о своих престарелых родителях, но не могут связаться с социальными службами, потому что социальные службы заняты тем, что звонят нам для получения медицинской информации о других семьях в кризисной ситуации.

Мистер и миссис Пател входят в мой кабинет около 11 утра и предоставляют мне долгожданную возможность передохнуть от этого очаровательного хаоса. Они пришли в клинику впервые. Им немного за 60, они все еще полны жизни и обратились ко мне лишь потому, что у мистера Пателя кончились лекарства от повышенного давления. Это довольно слабая причина для обращения к дежурному врачу, но мне все равно, потому что они мне уже нравятся. Как ни странно, во время моих консультаций часто прослеживается обратная корреляция: неприятные для меня пациенты мешают мне мыслить как врач, поскольку я слишком занят размышлениями о том, какие они противные. Однако, когда ко мне приходит симпатичный мне пациент, я, независимо от серьезности его проблемы, всегда стараюсь углубиться в нее как можно сильнее. Не поймите меня неправильно, я понимаю, что люди могут, так скажем, обращаться со мной плохо

по многим причинам, главными из которых являются страх, беспокойство и разочарование. Я знаю это и потому всегда стараюсь понять причину их гадкого поведения (иногда, однако, они ведут себя так и по жизни).

У терапевтов болезненное любопытство развивается против их воли.

Я провожу обследование сердечно-сосудистой системы мистера Патела, которое включает прослушивание четырех камер его сердца стетоскопом, измерение артериального давления и подсчет частоты сердечных сокращений. Все идеально. Я выписываю новый рецепт на 10 миллиграммов «Амлодипина», его препарата от повышенного давления, и назначаю следующий прием. Мы заканчиваем консультацию пятиминутной беседой об их недавней поездке в Ирландию. Я рассказываю им об Элис и ее животе и напоследок говорю, что в случае, если у них возникнут какие-либо опасения, они могут обратиться ко мне в любое время.

Хотя мистер и миссис Пател впервые пришли в нашу клинику, они уже попали в топ пять моих любимых пациентов. Не переживай, Бенни, благодаря твоим вопросам о смысле жизни я очень сомневаюсь, что ты когда-либо покинешь первое место. Поскольку у меня больше нет причин их задерживать, я неохотно провожаю пару до двери. Они уходят смеясь. Какие чудесные люди!

Четверг, 28 июня

Думаю, что теперь я связан с бандой. Сегодня на прогулке с Элис и жителем ее живота мы увидели подозрительных молодых людей, толпившихся у дверей магазина, куда я собирался зайти. Элис хотела, чтобы я купил нам два леденца. Леденца... Проще сразу прилепить мне на лоб огромную мишень. Крутые парни не сосут леденцы, Элис! Я выпрямил спину, стараясь выглядеть как можно крупнее (я прекрасно понимал, что это не поможет, если меня пырнут ножом), и прошел мимо них в магазин. Я выбрал два самых brutальных леденца, оплатил их и пошел к выходу, готовясь к предстоящему конфликту. А затем произошло нечто странное. Парни расступились, и один из них повернулся ко мне, протянув кулак (вероятно, для того чтобы поздороваться со мной?), и сказал: «Привет, доктор Скит! Как день проходит, нормалек?» Доктор Скит. Да, мне это нравится. Я прикоснулся кулаком к его кулаку (надеюсь, я все сделал правильно) и своим самым «уличным» голосом, звучащим так, словно я накануне выпил бутылку скотча и выкурил пачку сигар, непринужденно ответил: «Привет, парни! У вас, вижу, тоже все нормас». А потом добавил: «Берегите себя, хорошо?»

Я никогда не пойму, откуда взялась эта дурацкая последняя реплика. Возможно, во мне заговорил будущий отец? Неужели я теперь чувствую отцовскую ответственность не только за обитателя живота Элис, но и за всех остальных детей? Я напряг мозги и вспомнил, что этот подросток из банды – один из моих пациентов, который приходил ко мне

несколько месяцев назад, и я ему помог. Элис наблюдала за этой сценой с открытым ртом, а потом назвала меня занудой за то, что я вел себя как директор школы. А я было подумал, что мне удалось ее впечатлить. Вероятно, до мистера Тоски мне еще далеко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.